

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Михаил НЕСТЕРОВ

ОРУЖИЕ
БЕЗ
ПРЕДОХРАНИТЕЛЯ

Диверсанты из инкубатора

Михаил Нестеров

Оружие без предохранителя

«ЭКСМО»

2010

Нестеров М. П.

Оружие без предохранителя / М. П. Нестеров — «Эксмо»,
2010 — (Диверсанты из инкубатора)

Их было трое – Скоблик, Михей и Дикарка. Они вместе учились, вместе служили, а затем уже в качестве разведчиков-диверсантов ГРУ вместе рисковали жизнью. Их сознание закодировали профессиональные психологи, подчинив их волю исключительно приказу. Но случилась беда: Скоблика взяли в плен и перепрограммировали – вшили в его подсознание новую кодовую фразу, тем самым превратив в биоробота. И заставили воевать против своих, против своей Родины. Судьба повернулась так, что противостоять Скоблику – великолепно обученному диверсанту, ставшему машиной для убийства, – должны его бывшие друзья...

Содержание

Вместо пролога	6
Часть 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Михаил Нестеров

Оружие без предохранителя

*Сила зла теперь уже не в руках маленького ребенка.
Дэвид Зельцер*

Все персонажи этой книги – плод авторского воображения. Всякое сходство с действительным лицом, живущим либо умершим, чисто случайное. Имена, события и диалоги не могут быть истолкованы как реальные, они – результат писательского творчества, не более. Взгляды и высказанные мнения, выраженные в книге, не следует рассматривать как враждебное или иное отношение автора к религии, личностям и к любым организациям, включая частные, государственные, общественные и другие.

Вместо пролога

...Виктор смотрит на лицо Трампа, потом – Татьяны, красивой, избалованной, истраханной. Слышит свой голос: «Помощь пришла». Потом его выталкивают из машины. То, что он *смертельно* ранен, он понимает только тогда, когда через неплотно сжатые веки видит скорбное лицо Михея, чувствует его прощальное рукопожатие. А потом глядит на себя со стороны и чуть сверху...

Он лежит на асфальте. Михей пожимает его руку, и Виктор читает мысли друга. Михей благодарит его за дружбу, поддержку, за то, что тот всегда был рядом, за «тест на совместимость». Он будто надеется на скорую встречу. И вот он убегает. Просто пропадает из кадра.

А Виктор не может повернуть голову. Он словно подвешен на сотнях крючьев, пронзивших тело. Но это длится недолго. Чья-то рука нажимает на рычаг, и слабеющая пневматика опускает его. Он снова в своем теле. И его пронзает жуткая боль. Вместе с тем ему уже ничего не страшно. Он словно заглянул в будущее и увидел, что находится за чертой смерти. Там была жизнь без боли. За такое состояние можно отдать голос, слух, зрение, оставить только знание о самой вечной жизни.

Часть 1

Долгая дорога домой

Больцано, Италия, июль 2009 года

Сонни Новелла проснулся в это утро с головной болью. Он назвал ее мигренью, не совсем четко понимая значение этого слова. Она дала знать о себе два или три дня назад, но Новелла тогда не придал этому значения; головная боль прошла сама собой и незаметно. И вот сегодня он, открыв аптечку и наткнувшись на пузырек панадола, сам себе поставил диагноз. Он решил, что простужен. Болезнь тихонько подбиралась к нему. Как озноб? Он повел плечами. Зябко – не получилось. Но он все равно принял две таблетки панадола и две – аспирина. Головная боль пройдет, если не обращать на нее внимания. «Легко сказать», – подумал Новелла. Но точно знал, что через пару часов удивится: как и куда канула боль? Одно облегчение последует за другим.

Выпив кофе, Сонни только теперь повязал галстук и осмотрел себя в зеркале. Ему шла голубая рубашка с короткими рукавами и темно-синий в светлую полоску галстук. У него были массивные надбровные дуги, глаза чуть навывкате, тяжелый подбородок. Он не любил короткие прически; сколько себя помнил, зачесывал волосы справа налево (он был левшой), состригал волосы так, чтобы пробор не казался явным и не смотрелся свежим шрамом.

Брендом Сонни Новелла был его же ум, а точнее, образ мыслей и привычек. В 1998 году он, двадцатитрехлетний лейтенант, возглавил отдел в ЦРУ, хотя окончил знаменитую академию ФБР в Куонтико и стал куратором программы Free Reason – «Свободный разум», а в другой интерпретации – «бесплатный».

Фактически день в день в двух разных странах стартовали схожие проекты. Но в США проект был более секретным. Сонни Новелла дал этому феномену пространное и четкое определение: в России проект находился за семью ширмами, тогда как в США ширмам предпочитали дистанции. Такое заключение Новелла сделал только тогда, когда узнал о российском проекте-близнеце под названием «Организованный резерв». Он сильно удивился, узнав, что русские добились четырех выпусков, американцы же – неполных двух. Секретную школу (она находилась на базе ВМФ на одном из островов Ки-Уэста, штат Флорида) пришлось закрыть, едва в прессу просочилась информация о существовании проекта. Можно было попытаться сохранить школу. Как?

Новелла приводил только один пример. Чтобы скрыть проект по летательным аппаратам нового поколения, Пентагон и ЦРУ пустили «утку» про НЛО. И до сегодняшнего дня подпитывали ее все новыми подробностями, включая снимки и ролики. Это были отличные шоры для общественности и неиссякаемый источник оптимизма для уфологов.

Но из аппарата президента пришла недвусмысленная резолюция: «Нам этого не надо». Результат – отбросы с Гарлема вернулись догнывать на свою помойку.

Когда у Новеллы спросили, какую последовательность он выбирает (сначала материалы по русской школе или сам полуживой продукт), он ответил: «Материалы важнее».

Он был впечатлен подготовительной работой Министерства обороны России. В ноябре 1997 года в военном ведомстве было принято решение «взять шефство над беспризорными детьми и подростками». Министр обороны своим приказом создал рабочую группу, руководство которой возложил на Главное управление воспитательной работы. К программе были подключены представители других структур силовых ведомств. Руководство Главного разведывательного управления предоставило базу в военной школе, попавшей под сокращение, где было создано новое учебное заведение по типу суворовских училищ. Наставниками подростков стали уволенные по сокращению офицеры-преподаватели, инструкторы военной разведки.

Далее разведывательное ведомство объявило о занятиях по военно-прикладным видам спорта. Стартовал отбор лучших подростков для «более перспективного обучения по программе спецназа». В августе 1998 года начальник школы доложил о первых практических успехах: это укомплектование группы подростков в возрасте 15 – 16 лет и вывод ее из единой системы военного образования Вооруженных сил как отдельной школы, в определенных кругах получившей название «Инкубатор».

Сонни Новелла приехал в пансионат, словно спрятанный в восточных Альпах, в начале десятого. Город Больцано нашел себе место у слияния рек Адидже и Изарко; население его не превышало ста тысяч человек. Плюс транспортный узел на пути к перевалу и аэропорт. Пожалуй, лучшего места для отдыха и уединения не придумать. Но Новелла нашел здесь и работу.

В столовой пансионата он зашел за стойку и сам налил кофе в два стакана. Перекинутый через руку легкий плащ немного мешал ему; Сонни только что не балансировал, поднимаясь по ступенькам лестницы, чтобы кофе не выплеснулся на бежевую ткань плаща; в нем и широкополой шляпе он был похож на гангстера. Когда он остановился напротив двери с номером 6, то перевел дух. Постучав в дверь мыском ботинка, вошел внутрь.

С постели поднялся парень лет двадцати – высокий, худощавый, чуть сутуловатый. С ним Новелла поздоровался на его родном языке:

– Здравствуй, Витя. Это для тебя. – С этими словами он протянул парню стакан с кофе. Поделится своими опасениями насчет пятен на двухсотдолларовом плаще. Когда они выпили кофе, Новелла продолжил инструктаж, который начался вчера днем. Только ночь внесла в план Сонни коррективы.

Он сжал кулак и начал разгибать в подсчете пальцы.

– Страх. Любопытство. Великодушие и жалость. Доверчивость. Превосходство. Жадность. Вот шесть чувств, на которых ты можешь сыграть. За хорошее вознаграждение человек может изложить ту информацию, которая тебе необходима. Превосходство. Достаточно втянуть человека в спор, приводя в качестве аргументов заведомо ложные факты, чтобы тот в пылу дискуссии начал доказывать истину. Да, мы это, как говорите вы, русские, уже проходили. Мы сейчас пробегаем... То есть наша задача – пробежаться по пройденному материалу. Это необходимо потому, что через три недели мы начинаем реализацию плана.

Виктор поднял глаза и пристально взгляделся в Новеллу, словно изучая его.

Новелла расшифровал его взгляд так, как хотел расшифровать: Виктор еще не до конца поверил в то, что реализацию плана возложат на него. Ему предстояла командировка в страну, в которой он родился. Там он загибался под забором, пока его не сунули в спецшколу под названием «Инкубатор». Через два года он уже в статусе диверсанта и с особо важным заданием был направлен в Италию. Ничего сверхъестественного, за исключением возраста диверсанта. На момент заброски ему не исполнилось и восемнадцати.

Новелла посмотрел на часы. Скрыл легкое недовольство, подойдя к окну. Это выражение на его лице стер прекрасный вид за окном. Встретившись со своим подопечным, Новелла ждал еще одного человека, который должен был официально занять кресло в конторе Сонни Новеллы.

Зимой 2002 года Сонни возглавил частную структуру по сбору информации, шпионажу, вербовке наемников. Также она оказывала услуги по организации беспорядков (реже – терактов) в ряде европейских стран. Сонни считал себя вне политики («в конце концов, каждый зарабатывает на жизнь, как может»), хотя зачастую выполнял распоряжения ЦРУ.

Офис компании находился в Италии, в небольшом городке, где работалось весьма комфортно. В пользу выбора местности Сонни мог привести множество аргументов. Вот один из них: «Если нет разницы, откуда вести деятельность – из Нью-Йорка или Больцано, я выбираю Больцано».

Филипп Берч, которого он поджидал, считался признанным в узких кругах специалистом в области психологии: Новелла и Берч познакомились в 2005 году; знакомство было случайным, и Новелла, во всяком случае, не предполагал ни дружбы, ни тесного сотрудничества с «Доктором Лектером», как прозвали Берча в управлении. Что примечательно: Филипп Берч не обижался на прозвище людоеда из романов Томаса Харриса, а Новелла понял, почему именно – автор наградил доктора высоким коэффициентом интеллекта (более двухсот); он был образованным психиатром, что не помешало ему стать не менее выдающимся серийным убийцей, практикующим на своих жертвах каннибализм. Кто знает, может быть, Берч и себя поставил в один ряд с такими грандиозными злодеями, как Сатана в «Потерянном рае» и Альберт Фиш. Впрочем, это были лишь фантазии Новеллы – полушутливое желаемое он выдавал за полусерьезное действительное.

Новелла при всем своем желании не мог забыть тот факт, что Берч здорово помог ему в этом деле, затянувшимся на два года. Филипп Берч, что называется, «раскрыл» малолетнего русского диверсанта, раскрыл изнутри, заставил «вспомнить все» человека, которому сам же и поставил страшный диагноз: амнезия. Хотя в то время и не входил в штат фирмы в Больцано.

Новелла хотел сказать ему: «Не время и не место. Через три недели мы приступаем к реализации плана, над которым, по сути дела, корпели два года». И еще повторить: «Не время и не место...» Потом перейти на нравоученья: «В таком месте, как Больцано, нужно наслаждаться жизнью. Или жить как перед смертью. Настраиваться на смерть. Здесь нельзя возвращаться назад в мыслях. Потому что прошлое – это боль. Только настоящее и будущее лечат, объединившись. Или обнявшись». Новелла точно знал, что не произнесет этих слов. Он мог думать так, но говорить – нет. Он считал: это слишком красиво, пусть даже звучит напыщенно.

Новелла отказался от первоначального плана – встретиться с Филиппом Берчем не просто в пансионате, а в комнате их общего подопечного. Что в общем походило на врачебный обход. Конечно, ехать в аэропорт поздновато. Судя по времени, самолет, на котором прилетел в Италию Берч, приземлился в аэропорту тридцать минут назад, понял Сонни, взглянув на свои швейцарские часы. Так что психиатр на полпути в пансионат. Единственный способ перехватить его – спуститься в холл.

– Я скоро вернусь, – сказал Новелла подопечному, вложив в эту фразу полушутливое: «Не скучай тут».

У Сонни был небольшой стаж работы в Центральном разведывательном управлении; он лишь во второй раз сталкивался с подобным заведением, как этот пансионат. Дело в том, что «Бреннер» (такое название пансионат получил в честь перевала и находился на пути к нему) некогда был собственностью ЦРУ, и штат его состоял из агентов американской разведки. О нем знали в разведке НАТО, что говорило о том, что он не был «совершенно засекречен». А в деле, которое получило название «Диверсанты из инкубатора», главную роль сыграли натовская разведка и финансовая полиция Италии. Но в ту пору Сонни, уже обладающий собственной агентурой, выкупил права на «Бреннер» и стал его фактическим владельцем.

Показания офицера финансовой полиции: «Итальянские спецслужбы предоставили генералу ГРУ Фокину убежище. Он получил статус политического беженца. Проходит время, и его убивает сотрудник итальянских спецслужб. В нашей контрразведке разработали спецоперацию, цель которой – спровоцировать русских и подготовить ловушку. Мы достигли цели... Какую цену заплатили? Вот выдержка из газеты: «29 апреля в девять часов вечера на вилле Тичино было совершено покушение на генерала Фокина. Преступники проникли на виллу и открыли огонь из специального стрелкового оружия. В результате этого нападения у генерала Фокина – несколько ранений. Погибли сотрудники контрразведки, осуществляющие охрану генерала. Фокин скончался в военном госпитале». Я цитирую начальника госпиталя: «Генерал получил ранения, несовместимые с жизнью. Сейчас его тело находится в морге». Это при том,

что на самом деле Фокин лежал в холодильнике больше месяца, ждал своего часа. А его роль исполнял сотрудник итальянских спецслужб майор Гардиан. Он-то и был убит на вилле».

* * *

Сонни Новелла не любил чернокожих. Он буквально «шизел» от сочетания «негр-психолог». Негр-психопат – другое дело. Привычное. Эта «нелюбовь» давно заразила его разум, и он ничего с этим поделать не мог. На первый взгляд. На самом деле Новелла обладал немалой терпимостью, таким «огнетушителем» против разжигания расовой ненависти. Это был мол, через который на видимый берег не докатилась ни одна самая яростная волна.

В общем, Филипп Берч был чернокожим. И для Сонни это звучало как убеждение.

Берч разделся в прихожей дважды... Поначалу снял костюм и повесил его в шкаф. Потом заявил, что ему необходимо сполоснуться с дороги. Сонни невольно смотрел не на его отражение, а на то, как он отражался в зеркале (это не одно и то же). Створка платяного шкафа в прихожей приоткрылась ровно настолько, чтобы Берч отразился в зеркале буквально в чем мать родила. «А родила она его, похоже, с грязными подмышками», – подумал наблюдательный Новелла, непроизвольно сглотнув и поморщившись.

Берч мыл голову, подняв руки, давая гостю полюбоваться на уникальную плотность волос под плечевыми сгибами. И эта растительность показалась Сонни Новелле кусками несмываемой грязи. Он знал Берча как психиатра и гипнотизера, а вдруг тот еще и ясновидящий? Насмотревшись на подмышки Берча, Сонни опустил глаза ниже и, снова сглотнув, прошептал: «О господи...» Ему не с чем было сравнить то, что предстало его слегка обалдевшему взору. Берч тем временем стал это намывать. Со вздохом и очередным упоминанием бога Сонни отвернулся и надел на лицо маску скуки.

«Странная привычка – вставать под душ сразу после прилета», – продолжал размышлять Новелла. Как будто Берч прибыл не на белоснежном лайнере, напичканном стерильными стюардессами, а в мусорном контейнере. Из космоса. Он улыбнулся. И какого черта тогда Берч согласился встретиться немедленно, не откладывая дел в долгий ящик, в номере человека, которого он до сих пор считал своим подопечным? Слава богу, нет у него привычки петь под струями воды, как у большинства американцев.

«Нет, это не привычка, это манера», – сделал еще один вывод Новелла.

Берч появился в комнате в белом банном халате. Перебросив полотенце через плечо, первым делом вынул из холодильника (ни бара, ни горки в номере не было) бутылку виски и стаканы. Выколов на поднос кубики льда из пластмассовой формочки, он приготовил две порции. Они выпили. Берч вопросительно приподнял брови: «Еще?» Сонни Новелла не стал отказываться. Виски оказалось на удивление вкусным. В чем тут секрет? Может быть, дело в стаканах, выдержанных в холодильнике? Или в воде? Откуда она? Из родника в ущелье? А вдруг Берч знает волшебное слово? Внушил, что виски необычайно вкусное?

Первую порцию Сонни потребил в два глотка, вторую растянул. Впрочем, как и Берч. Он сразу же приступил к делу. Начал он с ничего не значащего вопроса:

– Как наш подопечный?

– В целом, – Новелла выдержал короткую паузу, – неплохо. В отличной физической форме.

– Он по-прежнему курит?

– Да. Но это не влияет на показатели. Физика не уступает физике некурящего человека его возраста и его данных.

– Как и раньше, он отдает предпочтение тренировкам на маунтинбайке?

– Велоспорт – его отдушина.

– Хорошее определение.

С этой минуты Берч слушал Новеллу, манипулируя с одеждой. Он вынул из багажной сумки свежую рубашку, носки, джинсы, аккуратно расправил на кровати. Сонни предположил, что носки Берч наденет в первую очередь. И не ошибся.

– Какие у вас планы? – поинтересовался он. – Можно узнать?

– У нас общая задача, – ушел от прямого ответа Берч.

«Начал крутить», – недовольно сморщился Новелла, глядя в спину Берча. Безусловная заслуга последнего – он поставил на ноги русского диверсанта. И тут же получил подтверждение. Берч продолжил:

– Я еще раз хотел бы «закрепить материал». Заодно стоит сопоставить вопросы-ответы двухгодичной давности и свежие, узнать что-то новое – а оно должно всплыть, так показывает практика. У нас общая задача, – повторил Берч, присаживаясь за стол полностью одетым. – Со своей стороны хотел бы вернуть подопечного к моменту его выздоровления, когда он с нашей помощью выбирался из провала в памяти.

«Ну, понеслось...» – с прежним настроением вздохнул Новелла. В его понимании действия Берча смахивали на акт бахвальства. Да, ему можно и нужно отдать должное. Он, и только он (если отделять мух от котлет) вернул пациенту память. Но неужели еще не наслаждался моментом? Берчу снова и снова нужны глаза, голос, фигура человека, который обязан ему своим выздоровлением? Это все равно как смотреть в повторе награждение себя, любимого, орденом, почетным званием, слушать хвалебные речи в свой адрес.

Сонни осторожно напомнил Берчу:

– Возможно, вы забыли, что операция состоит из нескольких фаз. Не поделена, понимаете меня? Эти фазы можно сравнить с лунными. Так вот, одна фаза сменила другую. Меньше чем через месяц наш подопечный ступит на *родную* землю. На родную землю. Понимаете всю глубину данной проблемы? Как бы мы ни очерняли ее, какие бы доводы ни приводили, родная земля никогда чужой не станет. И вы, и я знаем, как решить эту проблему...

«Подсказку дал я», – открытым текстом говорили глаза Берча.

– Люди, – многозначительно сказал он, поднимая палец. – Воспоминания об отдельных людях не дадут ему сделать шаг в их сторону. Шаг, которого мы с вами опасаемся. Поэтому я выбрал вариант, который вам не понравился. И я догадываюсь, почему. Но шаг за шагом, с самого начала, с пробуждения, они с ним пройдут путь рука об руку... Кстати, вы как называете его партнеров по диверсионной школе?

– Партнерами, – лаконично ответил Сонни. И коротко вздохнул.

* * *

«Нелишне будет еще раз прослушать фонограмму одной из многочисленных бесед с Виктором», – подумал Сонни, уединившись в номере. Она состоялась не так давно; и если бы он сравнил разговор полуторагодичной давности с недавним, то разница оказалась бы более чем ощутимой. Долгие месяцы реабилитации для Виктора Скоблика не прошли впустую. Он в своей комнате не только смотрел телевизор и красочные журналы, а с удовольствием читал художественную литературу. Сонни не мог не заметить, как очередной роман затягивает его в сюжетные сети. Конечно, и речь его стала другой. Ведь раньше Новелла мог назвать Виктора косноязычным. А сейчас можно было заслушаться...

Сонни включил компьютер, выбрал нужный звуковой файл и открыл его. Он не знал, по какой причине не сохранилось самое начало разговора, там, где Сонни задал Виктору пару вопросов, касающихся его первых впечатлений после возвращения памяти.

«...Мое пробуждение походило на нескончаемый сон... Тяжелый или легкий – я не мог сказать».

«Тяжелый или легкий?»

«Я не хотел просыпаться, а значит, не хотел расставаться со сновидением. Я пытался вспомнить не сам сон, не его содержание, а то, что предшествовало ему – реальность, прожитый перед ним день или час. Или хотя бы минуту. Чтобы определить, с каким настроением я уснул».

«И ты вспомнил?»

«Да, я вспомнил. Воспоминания вызвали на моих губах улыбку. Ноги девушки можно было бы назвать роскошными, если бы...»

«Если бы?»

«Если бы не ее возраст. Ей не было и восемнадцати. Я давно заметил: все, что касается тела, красивее и стройнее у тридцатилетних. *Это при прочих равных условиях*, пронеслось чужим голосом в моей голове. Девушка наклоняется вперед и снимает босоножки. Зачем? Она сидит в водительском кресле джипа. Кажется, вот сейчас она откинёт спинку назад, до упора, до положения пациента у стоматолога, повернет голову ко мне, улыбнется знакомой улыбкой. Я знал эту девушку. Знал очень хорошо. Я несколько раз стоял в очереди к ней. Ее звали Татьяна. Красивая, избалованная, истраханная... И тут мне в глаза брызнули яркие красные звезды. Их выхватили из темноты фары джипа. А когда створы ворот распахнулись, пропали и звезды на них. Помню, тогда я обернулся, но звезд на обратной стороне ворот «Инкубатора» не увидел. Их не было. Они символизировали вход в организацию как в тайное сообщество, военный орден. *Вход рубль, выход – два*. Я много раз слышал это выражение, но тогда буквально примерил его на себя впервые. Его смысл открыто плескался в выразительных глазах офицера, сделавшего свое дело: «Добро пожаловать в «Инкубатор». *Нас было трое*».

Сонни открыл новый звуковой файл – короткий, как английский анекдот. Он обязательно прослушивал эту запись, если наткнулся на нее, и его тянуло переименовать ее, например, так: «Первый блин комом». Собственно, тут хранился один из первых тестовых вопросов Берча, адресованных новому пациенту.

«Что ты помнишь?»

Ответ Виктора: «Помню, что Москва – столица нашей родины. Помню, что земля круглая, а все углы обоссаны».

Эти ответы Скоблика можно было бы назвать клише, которым владеет каждый агент. «Как твое имя?» – «Не помню». – «А что помнишь?» – «Помню, что небо голубое, а вода мокрая». Лишь бы не молчать во время допроса. А если допрос ведется «в горячую», то такие заготовки дают время обдумать положение, потому что они не отвлекают внимание.

Когда Сонни услышал ответ Виктора, он громко рассмеялся.

Потом он привел Виктора в специально подготовленную комнату, по сути кладовую, где сам лично разместил велосипед-контейнер для переброски оружия и само оружие – модифицированный пистолет-пулемет российского производства, кое-что из амуниции, которую ему удалось заполучить из гостиницы в Равенне (под крышей этого заведения проходила подготовка молодых агентов к спецоперации), окровавленную одежду. «Когда-то это все принадлежало тебе», – сказал он Виктору. Потом он усадил его перед телевизором и дал посмотреть криминальную хронику двухлетней давности. Не видно ярко-желтых пограничных лент – место происшествия и без того надежно огорожено. Вот труп постового, лежащего у ворот. Вспышки фотокамер создают иллюзию движения. Казалось, он издыхает от нехватки влаги, корчится в красной луже, похожей на кровь. Еще один труп. Лежит калачиком, будто сильно замерз. Как будто не на госпитальной площади, а в каком-то закоулке, надышавшись клеем.

«Ты видишь здесь своих товарищей?» – спросил Сонни. И покачал головой: «Нет. Твои товарищи бросили тебя. Им было плевать на тебя. Михаил и Тамира всегда были парой. А ты – третий лишний».

Берч включился в работу, увидев, как заиграл желваками Виктор: «Мы понимаем твои чувства и готовы помочь тебе. Не стесняйся называть вещи своими именами. Месть – это не

потаенное, это живое человеческое ощущение. Нельзя прятать его внутри себя – сгоришь. Что такое месть? Это действие в оплату за причиненное зло. Ты можешь заменить его и уповать на справедливость. Но справедливость – младшая сестра мести. Если ты скажешь: «Справедливость восторжествовала», это будет означать возмездие. То есть расплату. А если объединить эти два слова, получится следующее: справедливое возмездие. *Неотвратимое*. Наша работа основана на взаимном интересе. Только не пытайся заранее оправдать огромные выданные тебе авансы. Мы рассчитываем на тебя. На твою преданность, если снова называть вещи своими именами. Мы вернули тебе память, а значит, и жизнь, которая без прошлого, без знаний, питающих новые чувства и пробуждающих подзабытые, – ничто. Мы дали тебе стимул – возможность отомстить. Но главное – преданность. Так в духе преданности растили японских разведчиков-диверсантов, названных «ниндзя», что в переводе с японского означает «лазутчик». Такого человека, прошедшего уникальную физическую подготовку и обработанного психологически, нельзя было подкупить. По большому счету, тебя, Виктор, можно назвать современным ниндзя. Ты хорошо владеешь холодным и огнестрельным оружием, различными способами маскировки, и все это позволяет тебе решать сложные диверсионные задачи».

Часом позже Филипп Берч один на один беседовал с Сонни Новеллой.

«Пропал подросток, бродяга. Кто хватится оборванца? Разве что его блохи будут о нем жалеть. В России зарегистрировано более одного миллиона сирот... Знаете, что интересовало авторов проекта в первую очередь? Статистика. Я покопался в материалах того времени и вот что получил. На уроках физкультуры погибает примерно десять детей в год. Ежегодно на дорогах России погибает более тысячи детей. От рук насильников погибает две с половиной тысячи. На рельсах московской подземки погибает полторы сотни человек, а сколько из них детей? Ежегодно от героина погибает больше тридцати тысяч, а сколько из них несовершеннолетних? От туберкулеза погибает столько же. Около двух миллионов детей в возрасте до четырнадцати лет избиваются родителями, что для многих жертв заканчивается смертью. Каждую минуту в России умирают пять человек, а рождаются только три. Смертность превышает рождаемость почти в два раза. Ежегодно Россия теряет по численности населения целую область, примерно равную Псковской, или республику типа Карелии, или крупный город – такой, как Краснодар. Ежегодно по причине употребления табака в России умирает около трехсот тысяч человек. В России около тридцати тысяч детей не доживает до десяти лет, ежедневно умирает пятьдесят младенцев, две трети из них – в родильных домах. Ежегодно в России происходит триста тысяч пожаров, при которых погибает двадцать тысяч человек. Четыреста тысяч умирает от некачественного алкоголя. Россия занимает первое место в мире по уровню умышленных убийств. Каждый год из России уезжает в среднем один миллион человек. По прогнозу нашего эксперта Збигнева Бжезинского, Россия как государство прекратит свое существование к 2012 году. Она распадется на шесть-восемь стран. Первой отколетя Чечня. На ее защиту встанут все европейские страны и Америка. И ей не грозит повторный ввод российских войск – это в прошлом, и это чревато для России. Она не выдержит еще одной войны. Она боится не Америку, а Чечню. Это настоящая бомба на теле России. Причиной развала станет полный износ промышленного оборудования, электроэнергетики. Новые государства явятся зоной нестабильности и будут разделены на сферы экономического влияния мировых лидеров. Об этом говорится в докладе ведущих аналитических центров, который размещен на сайте ЦРУ».

«Жизнью в России довольны те, кто не в курсе, и те, кто в доле», – сделал однозначный вывод Сонни Новелла.

Берч возвратился к теме:

«Что делать с курсантами секретной школы? Как убрать целый выпуск? А как поступить с теми, кто уже «выпустился»? Многие из них отметились в криминальной хронике. Несколько человек распрощались с жизнью при разных обстоятельствах. Например, четверо были убиты группой Михаила Наймушина. А сколько сидят по нарам?»

* * *

Берч походил на астронома, открывшего новую звезду. Он недолго терялся в догадках. А скорее, недоумевать не дал его дар, позволяющий ему погружать человека в психофизиологическое состояние, похожее на сон и сопровождающееся подчинением воли спящего. Это называлось состоянием гипноза.

Он увидел руку неизвестного коллеги, поработавшего над Виктором.

– Знаешь, что такое гипноз? – спросил он.

– Да. Слышал.

– Но к тебе никто и никогда его не применял, так надо тебя понимать?

– Да, так.

– Ты уверен?

– Я бы вспомнил. Да, уверен. Конечно, – добавил Виктор после непродолжительной паузы.

– А к твоим товарищам?.. Будем называть их однокурсниками.

– Насколько я знаю – нет. Но... – Снова пауза. – Могу с уверенностью сказать это только про двух человек.

– Речь идет о твоих близких, так надо понимать?

– Называйте их... недалекоими.

Скобликов подметил одну особенность в речи суггестора. У Филиппа Берча было любимое словосочетание. Обычно он заканчивал им какой-нибудь вопрос. Вот и сейчас он добавил: «Так надо понимать?»

Что такое гипноз, он знал, но затруднился бы сформулировать определение. Поэтому отдал инициативу Берчу: пусть сам и отвечает на свой вопрос. Тем более, как разобрался Виктор, такова и была задумка этого человека.

Гипноз (от греческого *hypnos*) – это искусственно вызываемое сноподобное состояние человека и высших животных, при котором торможением охвачена не вся кора головного мозга, а отдельные ее участки; так называемые сторожевые пункты сохраняют возбудимость, обеспечивая контакт загипнотизированного с раздражителями. С наступлением наиболее глубокой, так называемой парадоксальной фазы торможения, когда слабые раздражители (например, слово) действуют эффективнее сильных (например, боли), наблюдается высокая внушаемость.

– А что такое гипнопедия?

– Может, тот же гипноз, только на жаргоне?

– Да, немного похоже. Но это слово означает обучение во время сна. Причем естественного сна. – Берч не стал лезть в дебри вопроса еще и по той причине, что экспериментальные данные указывали на то, что гипнопедия не могла заменить естественный педагогический процесс. Однако... черт знает этих русских! Они могли продвинуться в вопросе далеко вперед и сохранили все в тайне.

* * *

Филипп Берч испытал жутковатое чувство, читая строки из книги Дэвида Зельцера «Знамение». Он в ту пору делал ремонт в квартире – собственными руками, не доверяя строителям, руководствуясь правилом: «Если хочешь, чтобы все было хорошо, сделай это сам». Накрытый полиэтиленовой пленкой диван стоял посередине комнаты на боку и по высоте не уступал барной стойке. Широкая полированная спинка послужила отличной полкой, на которой Берч разложил нехитрую закуску, сок, водку, белое вино. Сбив в шейкере коктейль, он налил напиток

в высокий стакан и выпил его, не отрываясь. Целый стакан «гремучей смеси», общий градус которой приближался к тридцати. В голове зашумело, но позыва сотворить еще одну порцию у Берча не было. Им овладело состояние, которое продолжится двадцать или тридцать минут. И он всегда дорожил этим. Он открыл первую страницу, находясь за импровизированной стойкой, и прочитал первые строки новой книги, осилить которую запланировал в течение недели. Он даже не предполагал, что к утру следующего дня (тот день катился к закату) перевернет последнюю страницу «Знамения»...

«Молодой астроном в обсерватории Кейп Хэтти сидел ошеломленный. Он спохватился слишком поздно, и фотокамера была бессильна запечатлеть случившееся: расщепление трех созвездий, в результате чего появилась сияющая звезда. Частицы вещества из Козерога, Рака и Льва неожиданно стали слетаться навстречу друг другу с поразительной точностью и слились в пульсирующее галактическое тело. Оно становилось все ярче, и созвездия задрожали, а может быть, просто задрожал окуляр – у астронома от обиды затряслись руки.

Он боялся, что оказался единственным, кто видел это...»

С тех пор Берч часто обращался к тексту «Знамения», каждую строчку которого мог процитировать даже разбуженным среди ночи. Он не считал роман Зельцера шедевром, но в мистическом плане остальным подобным книгам до него было далеко.

Прошли годы. Он пересмотрел свои позиции, однако по отношению к книге, которая произвела на него неизгладимое впечатление, так или иначе повлияла на его судьбу, оставался «жестким» консерватором. Он ни при каких обстоятельствах не смог бы поменять свои позиции.

Филипп Берч позавтракал чуть пережаренной, как он любил, хрустящей ветчиной, залитой парой яиц, выпил чашку крепкого кофе с сахаром, начал разгадывать кроссворд, – пару лет тому назад его в это время суток можно было застать за чтением новостей. Одна привычка сменила другую, и теперь свежие новости Берч черпал из эфира, включая радио в автомобиле на информационной волне.

* * *

– ...Ты знаешь причину, по которой был закрыт проект? – продолжил Берч.

– Нам сказали, что рамки координационного совета, курировавшего проект, разошлись по политическим векторам, и руководители не смогли соблюсти секретность.

«Как робот», – не мог не заметить Берч.

– Ну а если перевести это на «нормальный» язык? Вырази эту фразу своими словами.

Виктор в свою очередь задумался над формулировкой Берча. Но натурально забуксовал.

– Рамки... совета... разошлись по политическим векторам...

Эти слова засели в нем крепко, решил Берч, и, похоже, он не понимает их смысла. Неужели ни разу не пытался проникнуть в суть? Ведь это заноза в мозгу. Если ты не полный дебил, то постарайся избавиться от нее. Это все равно что неразгаданная загадка; ответ близко, очень близко, он вызывает зуд во всем теле, но в руки не дается. Что, что это?

Стоило проверить догадку, пронзившую его собственный мозг, и Берч повторился:

– Итак, проект закрыт. Директор школы призвал вас подготовиться к тому, чтобы... – Берч плавным жестом рук активизировал пациента.

– Чтобы мы подготовились к тому, что нас могут нанять конкуренты создателей проекта.

– Что это значит? – не сдавался Берч.

– Ну, мы могли оказаться на стороне противников военной разведки.

– И, тем не менее, выполнять приказы ваших работодателей.

– Да. Нам так сказали.

– А причина, по которой проект затрещал по швам, тебе неизвестна?

– Я уже говорил об этом.

– Пожалуйста, повтори.

– Рамки координационного света, курировавшего проект, разошлись по политическим векторам...

У Берча на языке вертелся вопрос: не хотелось ли его подопечному расшифровать несложный в общем-то смысл этой фразы? Но он не стал торопиться по той причине, что эта фраза и ему тоже казалась инструкцией. А точнее, той частью, которую менять запрещено. На ней стоял невидимый атрибут «скрытой секретности», что не позволяло получить к ней доступ. Но почему? Для чего ставятся ограничения? Ответ прост: чтобы никто не смог изменить инструкцию. Но Берч был из той категории людей, кто мог взломать защиту. И снова он не стал торопиться. Он должен хорошенько подумать, семь раз отмерить, как говорят русские, и только потом резать.

То, над чем он размышлял более или менее понятным языком, Сонни Новелле Берч предоставил «на подносе из тумана». «Блоки» – это запоры на пути другого гипнотизера. Они затрудняют перепрограммирование субъекта, выяснение причин его поведения и самого факта его предыдущего программирования гипнотизером. Берч был уверен, что, скорее всего, блоки наполовину стерты временем – они не так долговечны. Берч отмел факт «забывчивости» или «небрежности» безымянного коллеги. Он выявил следы блоков, которые зачастую называли «замками» или «блокировками». О них говорил сам факт весьма болезненных процедур с субъектом.

Но больше всего в «тумане» психолога Сонни Новеллу заинтересовали «ворота» и «ключи». Они формируются суггестором для скрытой коммуникации с реципиентом. Так вот, «ворота» – это достижение глубинного контакта с клиентом, а «ключи» – *это введение его в нужное измененное состояние и вызывание к исполняемым действиям*. Сонни ухватил поначалу окончание формулировки – *вызывание к исполняемым действиям*, а потом и начало ее – *введение в нужное измененное состояние*. Два действия, а по сути – одно. Человек, определенная часть мозга которого закрыта на замок, при открывании замка меняется в такой степени, что готов исполнять волю суггестора или того человека, имя которого суггестор вложил в код «замка».

Что касалось тактических приемов гипнотизера, например, манеры и последовательность беседы, они Сонни интересовали постольку-поскольку.

* * *

Филипп Берч преподнес догадку как тщательно проанализированный аргумент. У него это здорово получалось. Никто, даже сам Берч, если бы ему довелось сделать запись, а потом просмотреть ее, не заподозрил бы его в экспромте. Собственно, ничего предосудительного в этой речи, произносимой без подготовки, не было. Наоборот, он мог бы и не скрывать своего озарения, но тогда тот же Сонни заподозрил бы его в игре: экспромт от аналитика – это что-то невероятное. В общем и целом Филипп Берч подвергал себя таким психологическим пыткам, которые указывали на него как на человека в себе неуверенного, раз от раза.

К тому же он не мог допустить, чтобы его некоторая некомпетентность вылезла наружу. А заключалась она в следующем: слово «эврика» нынче было не в ходу, и если спросить любого продвинутого грека, как будет по-гречески: «Ух ты!» или там: «Ничего себе!», то получишь ответ: «Эврика!». Берч – психиатр по призванию, психоаналитик – по принуждению. Его мозг – процессор, и никаких там внезапных прояснений.

– Ну что же, – продолжил Берч тему, – я отвечаю на ваш вопрос. – В такие моменты он выглядел важным на все сто процентов. – Конечно, трудно допустить мысль о «Спартаке».

– Что, простите?

– «Спартак», – повторил Берч. – Есть такая книга. Есть такой фильм. Есть такой термин. («Уже есть», – про себя добавил Берч, с головы до ног покрывшийся озарениями). Кто такие гладиаторы Спартака? – спросил он и сам же ответил, небрежно скривившись: – Восставшие рабы. Бунтари. Я не случайно помянул этот термин. Бунтарь – протестант по сути, призывающий к ломке старого. Он хорошо известен русским. Нам с вами – тоже. Хотя бы потому, что мы не только изъясняемся по-русски, но порой и думаем на этом языке. Ну не знаю, как вы, а я... В общем, крепостные крестьяне вооружались вилами, на них же поднимали помещиков, жгли помещичьи усадьбы. Выпускниками секретной школы станут десятки потенциальных диверсантов. Большинство из них *примет* нормальную, мирную жизнь, единицы сторят.

– Спрос рождает предложение? – высказал предположение Новелла.

– Не всегда так. Порой – наоборот. Не думайте, Сонни, что я увожу вас в дебри. Если вдуматься, то для чего вообще рождаются и существуют тайные проекты, подобные «Инкубатору»? Ведь тайна, как и правда, имеет один существенный недостаток: она всплывает. Иногда поздно и в непристойном свете. А что, если руководители проекта не задавались подобными вопросами? Я снова возвращаюсь к смуте, этой ГКЧП на современный лад. Представьте себе ситуацию, когда нужно поднять народные массы, причем их самые молодые слои. Агитировать какую-то прослойку молодежи – это всегда заметно, долго, наказуемо и зачастую бесполезно. Дубы, – Берч постучал по столу, а потом себе по голове, – звук одинаковый. Стимулировать их? Пивом? Можно. Но от пива тупеют, и ноги несут не в ту сторону. И все же как безнаказанно, с пользой, с максимальной отдачей задействовать определенную прослойку? Я говорю только о молодежи. Потому что, во-первых, молодой человек – несформировавшаяся личность, он податливый, как глина, материал. Даже посредственный гончар вылепит из него что угодно. Код, шифр, назовите как хотите, кроется в названии проекта: «Организованный резерв». Два года под легальной крышей и по программе Министерства обороны, одобренной на самом верху, и вы получаете не толпу учащихся, а действительно «организованный резерв». Вы по первому сигналу соберете сто процентов этого резерва, хотя для организации беспорядков, провокаций, прочих активных и противоправных действий, даже включая убийства, вам за глаза хватит и половины. «Гладиаторы Спартака». – Берч вернулся к этому термину. – Пусть их будет немного. Каждый – с навыками диверсанта. Они выходят на улицы не по идейным соображениям, а выполняя приказ. Это снежный ком. Лавина. В готовом виде – беснующаяся многотысячная толпа. Такими методами занимают самые высокие кресла, решают, показывая реальную силу, любые вопросы. Причем, заметьте, не затратив на обучение и подготовку резерва ни копейки. Все за государственный счет.

– Кто может нанять этих людей?

– Насколько нам известно, сами создатели проекта или их политические конкуренты.

– В «оригинале» говорится просто о конкурентах, – сделал поправку Сонни Новелла. И откашлялся: голос его прозвучал с хрипотцой. Оттого, наверное, что он долго молчал, как замороженный слушающий психиатра.

Тот мягко возразил ему:

– Но политическая составляющая тоже присутствует. – И процитировал директора школы: – «Рамки координационного совета, курировавшего проект, разошлись по политическим векторам». Возможно, организаторы проекта осознали, какого рода джинна они выпускали каждые два года, а длилось это на протяжении восьми лет, и закрыли проект. Может быть, причина лежала в утечке информации. Однако это маловероятно. Ведь программа осуществлялась под эгидой борьбы с беспризорностью. Очистить московские улицы от воровского отребья и всего, что морально разложилось, – работа для Геркулеса. Столичный мэр, думаю, голосовал за эту программу всеми конечностями, как спрут. «Зарница» из-под палки.

Только через минуту или две Сонни Новелла одобрительно покивал на очередное удачное сопоставление Филиппа Берча. Тот продолжил:

– Все, что произошло в конце концов с проектом Минобороны, мы назовем «ропуском». Как собрать выпускников – дело техники и сообразительности руководящего ядра проекта. Меня сразу заинтересовало другое. Верхушка айсберга мыслила по принципу своей внутренней дисциплины, четко продуманного устройства. То есть речь идет действительно о ядре как основной части группы. И среди выпускников «Инкубатора» также был выделен костяк. Для чего, спросите вы. Для особо щекотливых заданий, о которых остальным знать не положено. И чтобы это ядро не расщепилось на атомы, к нему была применена техника гипноза. Их связали между собой и непосредственно с руководством особой директивой; не исключаю, что директив несколько. Код, ключевое слово вскрывает заложенный в диверсантах пакет. Знаете, зачастую специальные группы знакомятся с заданием, уже выдвинувшись к месту боевых действий, где вскрывают пакет. А там может быть всякое: от ударов по мирному населению до отступления с занятой позиции. Но пути назад нет. Точка невозврата пройдена.

– Да, я в курсе этого.

Берч кивнул в никуда и продолжил:

– Этот наш подопечный только в нескольких случаях говорит как робот, и в этом я уловил программу.

– Считаете его членом... элитного клуба? – почти мгновенно подобрал формулировку Сонни Новелла.

Берч согласился с ним.

– Да. Может быть, поэтому тройка – Михаил, Тамира, Виктор – отработала в Италии так слаженно. Их связывала невидимая нить. Они же об этой связи нимало не догадывались.

– Как вы думаете, – заинтересованно спросил Новелла, – сколько человек может составлять руководящее ядро «Организованного резерва»?

– Не думаю, что больше трех. Даже генерал ФСБ Бурцев не был членом этого клуба. Иначе не стал бы затевать смертельные игры с терминаторами.

– Итак, в чем заключается практическая польза вашего открытия? – с не меньшей, чем сам Берч, важностью спросил Новелла. Ему нравилось порой мысленно примерить костюм сенатора или влезть в шкуру депутата нижней палаты представителей.

– В подчинении, – тотчас ответил Берч. – Я вижу практическую пользу в полном и беспрекословном подчинении. Если вы скажете вашему подопечному «фас» и добавите «две звезды на воротах», вы увидите, как один человек зубами рвет другого человека. Конечно, образно говоря.

– Так вы узнали кодовое слово? «Две звезды на воротах»? – Брови Новеллы взметнулись к глубоким морщинам на лбу и едва не покорили этот рубеж.

– Я узнаю его, – с рисовкой, которая так не шла ему, отозвался Берч. – Несколько сеансов, и я смогу вытащить из его сознания кодовое слово.

Все это звучало нереально, на деле же было доказано сотни, тысячи раз. В этой связи Новелла внес предложение называть между собой Виктора Скобликова «Зомби». Берч ответил: «Надо подумать». В этот момент он походил на бизнесмена, который ни при каких обстоятельствах не соглашается на первое предложение.

* * *

Сегодня Сонни было не до сна. Вместо одного диверсанта он заполучал целую группу с открытым послужным списком. Ему очень хотелось верить в объединение трех человек; и в этом плане его мысли звучали в унисон с мистическими переживаниями Филиппа Берча: «Все произошло в тысячную долю секунды. Движение в галактиках, которое должно было бы зиять века, свершилось в мгновение ока... Частицы из Козерога, Рака и Льва неожиданно стали слетаться навстречу друг другу с поразительной точностью и слились в пульсирующее галактиче-

ское тело». Сам Новелла и Филипп Берч заменили собой многочисленную группу, в задачи которой входил подбор исполнителей на территории противника, что всегда было чревато рисками. Он часто возвращался к команде «фас!»; она звучала у него в ушах с завидной периодичностью, как будто на улице брехала на прохожих собака. Что это означало? Если бы он состоял в штате ЦРУ, то есть был профессионалом, в случае успеха – продвижение по службе, очередная ступень на карьерной лестнице. Но Сонни принадлежал к той категории любителей, которыми в первую очередь двигал интерес. Он являлся «мусорщиком» – так называли тех, кто устранял проблемы других и упорно не признавал себя профессионалом. Он любил повторять: «Ковчег был построен любителем. Профессионалы построили «Титаник».

И чем дальше думал он об этом деле, погружаясь в глубины операции, тем сильнее разрастался его интерес. «Выигрыш, – думал Новелла, – это, безусловно, здорово. Но путь, но чувства, с которыми он был пройден, куда важнее». Для него был важен сам процесс.

И он вдруг представил себя поначалу на марафонской дистанции, а потом – в начале бесконечного конвейера по сборке автомобилей. В руках у него – первая деталь. Он заменяет собой роботов, которые сваривают детали кузова машины. Далее переходит в покрасочное отделение, берет в руки следующий инструмент. Он, досконально изучивший детали, узлы и агрегаты, участвует в каждом процессе не сборки, но рождения автомобиля. И вот изделие сходит с конвейера. А сам сборщик в числе тех, кто выстроился в торжественной обстановке перед красной ленточкой для снимка. В другом сравнении он – гвардеец *серого* кардинала. Лавры в его понимании – интересная работа.

Берч. Филипп Берч. Черный с белым именем. Сволочь Берч. Умница Берч. Если он окажется прав, если его теория о кодировании курсантов найдет подтверждение... Боже, как же все это захватывает!

До сегодняшнего дня бывшие партнеры Виктора Скобликова интересовали Новеллу постольку-поскольку, в плане приманки для последнего. И вот время умасливать прошло. Наступает пора приказов. Как же будет выглядеть в натуре это берчское «фас»?.. На сей раз Новелле послышалось подражание собаке, будто сам психиатр погавкивал за окном.

А не заложен ли в Викторе механизм самоустранения? Почему бы и нет? Пара слов (Новелла присвистнул, представляя своего подопечного, который с бесстрастным лицом стреляет себе в висок) – и мозги по асфальту.

Нет, это из области прикладной фантастики. Хотя почему бы не спросить на этот счет мнения самого Берча?

САМОГО Берча. Мистера Демиурга. Декодировщика и дешифровальщика.

Гроза Энигмы.

Новелла отдавал себе отчет в том, что ему будет непросто, трудно настроиться на прежний лад, если «версия Берча» полетит к чертям собачьим. Тогда постным покажется прежний план, где исполнитель довольствуется брошенной ему костью: «Они оставили тебя. Твоим товарищам плевать на тебя. Они всегда были парой. А ты – третий лишний». Скучно, убого. *Непрофессионально*. («Нет, нет, бежать от этого определения!») Но так стало только после того, как Берч озвучил версию с именем собственным.

«Да, – подумал Новелла, – я не всегда был холодным любителем, может быть, расчетливым». В нем изредка просыпался человек. Эта мысль рассмешила его. Равно как и другая: он захотел посмотреть, как выглядит экс-спецагент ЦРУ, а ныне – глава частной разведконторы, тронутый умом в начале первого ночи.

И действительно прошел в ванную комнату, включил свет и, опершись руками о раковину, внимательно всмотрелся в свое отражение. Из Зазеркалья на него смотрел Аллевон Иннос. Глаза – чуть навывкате, как у Билли Джоэла. Тот был немецким евреем, а Сонни Новелла – американским итальянцем. Никакой разницы.

Сонни родился в семье предпринимателей. Во всяком случае, он так писал в анкете, иногда конкретизируя: родители – владельцы кафе. Это был пункт быстрого питания. Очень быстрого. Просто супер! Там не было стульев (хотя можно было вместо них установить беговые дорожки). Исключение – сама барная стойка. За высокими столами клиенты кафе походили на гостей самого паршивого в мире фуршета. Родители Сонни Новеллы не предлагали итальянских блюд. По той причине, что в этом районе Манхэттена ценителей спагетти или пиццы давным-давно вынесли вперед ногами – такое складывалось впечатление, причем вынесли выходцы из африканских стран. Фирменное блюдо заведения (оно, кстати, называлось «Bar-Beef-Q», где последняя буква и обозначала скорость, а все вместе звучало по-сумасшедшему празднично: «Бар быстрой говядины») – жареная картошка (на сковородке, а не во фритюре), вопреки названию кафе, с жареными кусочками свинины, нарезанной тонкими ломтиками, поданной с парой соленых помидоров; солились помидоры в томатном соке и были на удивление вкусны.

Сонни не забыл те времена, когда, помогая родителям на кухне, стаканами глушил острый и насыщенный томатный рассол. Напитка вкуснее он не пробовал. А еще он водил в кафе школьных товарищей. Родители ни разу не посмотрели на ребят косо, а на сына – с укором. Они усаживали маленьких гостей за малюсенький столик на кухне и подавали горячую картошку, порции мяса – ничуть не меньше фирменных. И от помощи не отказывались. Часто Сонни с товарищами мыл пол после того, как отец закрывал дверь кафе, поворачивал табличку с надписью «Закррито» в сторону вечерней улицы и выключал четыре из шести светильников. Сонни не мог объяснить, почему родители садились ужинать уже после уборки, оставляя на стерильной поверхности стола грязную посуду. Да и стоило ли объяснять? Есть вещи, которые вошли в привычку, и над их природой просто не задумываешься.

Пошел второй год службы Сонни в ВМФ (на штабном корабле десантных сил 6-го флота «Маунт Уитни»), когда он получил известие о том, что родители решили продать бизнес в Нью-Йорке и купить ферму. Решили – означало продали и переехали в Техас. Сонни было горько осознавать, что он больше никогда не перешагнет порога «Bar-Beef-Q»; кафе для него стало чужим.

Отслужив, он наведаясь к родителям в Техас. Погостив неделю, уехал в Куонтико, имея рекомендацию от адмирала, в знаменитую академию ФБР.

Глаза по ту сторону зеркала покраснели. То ли Сонни долго смотрел, не мигая, то ли воспоминания выбили слезу. Он открыл кран, пустив холодную воду, умылся. Новелла уже забыл, какая причина заставила его зайти в ванную комнату, заглянуть в себя, в прошлое, вспомнить родителей, чьи дела шли ни шатко ни валко. Но он отвлекся от работы. Настала пора трезво взглянуть на вещи – без эйфории и без сожалений.

Не стоило отказываться от прошлых разработок ради будущих: первые были реальны, вторые – пока призрачны. На собственном опыте Сонни знал, что всегда срабатывало первоначальное решение, каким бы заманчивым ни казалось второе. Предпочтение отдавалось простоте, самому короткому ходу. Он очень редко докладывал работодателю о планах, стратегии грядущей операции, поскольку часто слышал в ответ: «Не слишком ли сложно?» Часто ему приходилось отстаивать свое видение хода операции, как бы упирая на «простоту», оперируя замечанием заказчика. И все для того, чтобы услышать в конце: «Ну хорошо», что было ценнее резолюции на первом листе плана – целой сметы; и это не казалось преувеличением.

Покопавшись таким образом в своей голове и в душе, Сонни прикинул, каким образом собирается Берч поковыряться в черепной коробке русского парня. Завтра, хотя уже сегодня (часы показывали половину первого ночи), Новелла поставит Берчу неременное условие: он обязан присутствовать на сеансе гипноза. Разумеется, если сеанс не массовый.

«А вообще лучшее – враг хорошего», – вспомнилось напоследок Новелле.

* * *

Сонни Новелла проснулся этой ночью в первый раз, когда настенные часы в холле пансионата пробили четыре раза. Он не мог вспомнить, что ему снилось. Ухватил лишь обрывок сна, как кобылицу за хвост. Он нечленораздельно простонал, глядя в темный угол комнаты: «Еще пять минут, господи...» И, как ему показалось, уронил голову на подушку. Но это была очередная иллюзия. Он боялся шевельнуть даже пальцем: это простое движение, наверное, послужило бы импульсом к долгой, до темноты, работе на ферме. И начиналась она с кормления табуна. Дальше его ждал геркулесов труд, ежедневный подвиг: чистка конюшни. Где-то под вечер он слышит звон – это прутком по подвешенному рельсу его призывают к обеду. Стол длинный, дощатый, как вырванный кусок пола в деревенской избе. Под ногами хлюпает зловонная жижа, которую он принес на сапогах. Он вздрагивает – в кольцо, образованное его натруженными руками, походившее на петлю, шлепнулась миска с жареной картошкой; точь-в-точь такой же он обжирался в детстве и воротил от нее нос в юности. Один только вид этого «инфаркта на тарелке» всколыхнул в заолодевшей груди Сонни столько воспоминаний, что он выпустил хвост «сонной кобылицы» и начал осознавать, что видел не сон, не его окончание – он бредил наяву, и пусть даже этот бред прудутренный.

Сонни закрыл глаза. Губы его шепнули: «Клин клином вышибают». Он по-детски наивно решил выяснить, чья же рука швырнула на стол фирменную жратву. Руки матери или отца взбили миксером его податливые мозги? И он мысленно открыл семейный альбом. Тот давно пополнился новыми фотографиями, и смотреть на постаревшие, с трудом узнаваемые лица было откровенно больно. «Когда мне будет шестьдесят четыре». «Бог ты мой, – прострелило Сонни. – Ведь отцу уже шестьдесят пять, на год больше «битловских». А матери...» Он подсчитал буквально на пальцах. Ей пятьдесят девять. Она еще молодая. Она декабристка. Она разделила участь отца и последовала за ним в американскую Сибирь – в Техас. В этот солнечный, пыльный, этот обосранный стервятниками и мексиканцами штат. Участь называлась по-другому – прихотью, но мать в силу этого исполняла прихоть мужа. Всю жизнь. Сонни жалел мать, когда для этого было подходящее настроение. Когда ему было плохо, когда вскрывались старые раны, оставленные острыми кошачьими когтями. Вот тогда он проклинал отца и сострадал матери, разделял эту по сути неразрывную пару. Он был готов вопить в такие минуты, скидывая в протестующем жесте руку: «Я, я знаю причины, по которым эти двое не могут быть вместе, ваша честь». Он взывал не к священнику, который обратился к присутствующим: «Кто против этого брака, говорите сейчас или молчите об этом вечно». Он апеллировал к судье. И себя видел в мантии, наделенным санкциями карателя. Но когда ему было хорошо – и мать не казалась страдальцей. Она и отец представлялись ему гармоничной парой; они старели вместе, вместе и глаза закроют. Что еще нужно для счастья? А если говорить точнее, то в хорошем настроении Сонни о родителях не вспоминал – это все равно что смотреть на часы, когда никуда не торопишься. Разве что замечал (будто боковым зрением) сиротливые фигуры с опущенными руками, как на старинных снимках.

Существовала и третья фаза «неустроенности», когда Сонни исходил желчью и клял родителей, не разбирая полов, и шипел на супружескую пару: «Хорошо им там, устроились!» Но то были кратковременные вспышки ярости. Они были объяснимы и назывались так: «раздраженные чувства». И скоро, едва Сонни обретал устойчивое равновесие, все становилось на свои места. Он здесь. Они – там. У каждого своя жизнь, своя судьба.

Ему вдруг почудилось, что у его родителей есть другой ребенок. Как если бы он появился только у отца или у матери, разойдись их пути. А тут у обоих сразу, и ребенок этот для Сонни – в статусе сводного брата или сестры. Жуткое чувство. Неужели он до такой степени отдалился от родителей?

И во второй раз Сонни проснулся в половине восьмого; мог бы спать еще полчаса. Но решил побороть сон, а не ерзать под ним на лопатках. Он сбросил его с себя вместе с одеялом. Поежился, переступая с ноги на ногу, не попав на половик. И почему в этом пансионате полы вечно холодные? С этим вопросом Сонни Новелла, одетый в серую пижаму, сунул ноги в шлепки и прошел в ванную комнату. Он умывался шумно, как если бы захотел разбудить соседа. У него было хорошее настроение.

Убить двух зайцев. Так назвал он свои намерения, граничащие с выходкой. И начало ее лежало у порога номера Филиппа Берча.

Время – 7.55. Сонни окончательно привел себя и мысли в порядок за рекордные двадцать минут. Он искренне улыбнулся Берчу, без фальши же наслаждался его сонным и недовольным видом. Тот чистил глаза пальцем и хмурился только по одной причине, носящей вопросительный оттенок: «Кто и на каком отрезке пути в мой номер лишил этого идиота волнения?» Вот тогда бы он переложил часть его обеспокоенности на свои плечи. Как иначе? Они же в одной упряжке.

Сонни рассмеялся. Он почти угадал мысли Берча. Своими негритянскими глазами он видел в нем повесу, который под утро возвращался с вечеринки и постучался к соседу. Ему есть что рассказать, а у Берча не то настроение и состояние, чтобы слушать. И время не то. Время не обеда и даже не завтрака. Кстати, о завтраке... Это и была «домашняя заготовка» Сонни Новеллы.

В первую очередь он извинился.

– Прости, дружище, что разбудил так рано. У меня родилась идея, под которую нам надо решить одну задачу.

Из одного полусонного глаза Берча в другой пробежала строка: «Надеюсь, идея родилась в муках. Господи, я был прав насчет того, что кто-то поимел кретина Новеллу по пути ко мне». Вслух он сказал:

– Я буду готов через четверть часа.

– Отлично, – одобрил Сонни. – Спускайся на кухню.

– В столовую, – поправил было его Берч, но Новелла стоял на своем:

– На кухню, дружище, на кухню.

Он сбежал по ступенькам, точно представляя, что ждет его внизу. Повар пришел или придет через пять-десять минут. Обслуживающий персонал – обычно это три или четыре человека – только-только приступил к своим обязанностям. Завтрак здесь подавали довольно поздно: в девять часов. Обед – в два, ужин – в девять. Тогда как в заведениях, подобных этому, ужинать постояльцы садились в семь вечера, и в таком случае хозяева могли рассчитывать на второй, более поздний ужин постояльцев и заработать на этом. В общем и целом сложившийся в пансионате распорядок устраивал Сонни Новеллу.

Шеф-повар по имени Леонардо Невио (ему было около сорока) встретил клиента искренней улыбкой. Он приезжал на работу на синем «Рено», тогда как обслуга просто перешагивала через порог жилого помещения – пристройки к основному зданию пансионата.

Новелла не стал дожидаться от повара вопроса, какого черта приперся на кухню. Он делом показал, чего хочет: сняв с крючка фартук, демонстративно вооружился двумя ножами и чиркнул лезвиями друг о друга.

– Вызываете меня на кулинарный поединок? – нашелся Леонардо.

Новелла рассмеялся.

– Заведомо зная, что проиграю? Ну нет! Вы когда-нибудь слышали о ресторане «Bar-Beef-Q»?

– «Бар-биф-кью»? – повторил Леонардо, представляя сразу две картины: жаренное на решетке мясо и пикник на свежем воздухе; и все это придумали проклятые французы, не пре-

минул отметить про себя итальянский повар, и дали название – барбекю. – Вы уверены, что правильно назвали?

– На все сто, – фигурально ответил Сонни. – У вас найдется свиная грудинка?

– Я пошлю за ней в ближайший магазин. Что-нибудь еще?

– Картофель, лук, соль, черный перец и чугунная сковорода.

Филипп Берч опоздал на десять минут. Впрочем, он ничего не потерял. Приобрел? Тоже вряд ли. Он молча принял приглашение присесть за столик, ютившийся у самого входа на кухню – и если бы не упор на полу, его раз двадцать ударило бы дверью.

– Кофе? – предложила официантка, еще не облачившаяся в фартук.

– Спросите у него. – Берч боднул головой на Новеллу. – Он тут командует.

А Сонни, вооружившись ножом с коротким лезвием, чистил картофель. На сковороде скворчало что-то пахучее, и в этой связи Берч подумал о мухах: здесь их не было. Буквально вчера утром он стонал: «Боже мой, сколько мух в этом году! Что в Новом, что в Старом свете. Впору заклеивать рот не просто скотчем – чтобы мухи в рот не попали, а липучей лентой против мух. Этакий скотч двойного назначения (надо бы подумать о патенте на изобретение или хотя бы проскочить автором оригинальной идеи). Но почему столько мух? Кто-то сломал Седьмую печать?..» Если да, то была она сломана, видимо, здесь, на кухне.

Новелла тем временем нарезал мясо на ломтики и выложил их на сковороду, в самое пекло растопленного свиного сала. Берч проглотил комок, подступивший к горлу, и молитвенно сложил на груди руки; он подбирал слова, которые и станут отказом от жареной (ему казалось, несвежей) свинины, приготовленной Новеллой. Никто не увидел его жеста отчаяния, может быть, кухню заволокло дымом. В представлении Берча дым – два пальца, которые влезли ему в глотку.

Новелла ловко перевернул мясо, дал ему немного пожариться на другой стороне и выложил сверху нарезанный картофель. Берч отдал ему должное: тот и не думал демонстрировать поварские навыки, готовил как-то привычно, как это делают дома те, кто просто умеет и любит это делать. Он не старался произвести впечатление, наконец-то определился Берч.

Сонни добавил лук, накрыл сковороду крышкой и только после этого присоединился к товарищу. Только сейчас тактичная официантка подошла к Берчу во второй раз и повторила вопрос:

– Кофе?

– Черный, – сделал выбор Новелла, не сводя глаз с чернокожего партнера.

– Боишься, что сахар и сливки отобьют нам аппетит?

– Все дело во вкусе.

– Да уж...

Они успели выпить кофе. Новелла дважды подходил к плите – солил, перчил, переворачивал жаркое (так ошибочно назвал это блюдо Берч – далеко не гурман). Он просто любил вкусную и здоровую пищу. Может быть, он и оценит вкус – ведь вкус есть у всего, но здоровьем здесь и не пахло. В прямом и переносном смысле на кухне витала смерть...

Как ни странно, но именно запаха свинины не было. Берч уловил аромат черного перца. Он с каждым мгновением усиливался, преобладал над остальными. И ему стало интересно. Он последовал примеру Новеллы и, вооружившись вилкой, подцепил кусочек хорошо прожаренного мяса и отправил его в рот. Когда проглотил его, даже не осознав, что оценил вкус, потянулся за вторым. Только теперь Сонни Новелла улыбнулся. Он, как ему показалось, отдал должок за прекрасный напиток, которым его недавно угощал сам Берч. И то и другое было необычайно простым, этим-то и подкупало.

Они плотно позавтракали. Филипп Берч вытер жирные губы салфеткой и откинулся на спинку стула. Отказавшись от второй чашки кофе, попросил принести минеральной воды. Новелла предложил перейти в столовую.

– Так о чем ты хотел со мной поговорить? – спросил Берч.

– Тема не срочная и не столь важная, – начал Сонни, – но решить ее, по-моему, необходимо. Как известно, камешек в ботинке не дает нормально ходить. Ордер требует использовать в рапортах заказчику оперативный псевдоним агента. У Виктора есть позывной – Скоблик. Неважно, как относиться к нему – серьезно или не очень, я слышал такие псевдонимы... – Новелла махнул рукой, припоминая русский синоним – «кликуха». – Так вот, подходит он ему или нет, не суть важно, дело не в этом. На мой взгляд, это может спровоцировать агента на его воспоминания о русской спецшколе. Позывной закреплен за ним как материал, если позволительно такое сравнение. Впрочем, в этом вопросе ты сильнее меня.

– Тут нечего обсуждать, – сказал Берч, – вопрос закрытый. На повестке не менее важный: какое имя дать нашему детищу?

– Это смотря кто мать и кто отец.

Берч вспомнил и рассказал анекдот на тему «родители и дети»:

– Разводится супружеская пара и не может поделить детей, а их – трое. Муж хочет оставить себе двоих, жена – тоже, оставив мужу одного. Спорят час, два. Судье все это надоело. Он выразительно глянул на выступающий живот женщины и вынес вердикт: «Приходите в следующем году, когда у вас будет четверо детей».

Берч в задумчивости потер подбородок. Нашупав жирное пятно, вытер его салфеткой.

– Я вспомнил одну беседу с Виктором. Его самая первая кличка – Самбади.

– Самбади? – удивился Сонни. Он подавил в себе вопрос: «Почему я об этом первый раз слышу?» Но были вещи, о которых он слышать не хотел, чтобы не занимать ими драгоценную память. С другой стороны, ему надо было обеспокоиться элементарной вещью, такой как видеозапись или *протоколирование* всех бесед с участием Виктора Скобликова. Новелла упустил этот момент. Он аккуратно вел записи своих разговоров с агентом и как-то безответственно надеялся на то, что то же самое делает и его напарник Берч. Но каково же было его удивление, когда на его законный вопрос на эту тему Берч ответил отрицательно: нет, он не ведет протоколирование бесед, но делает заметки в своем блокноте. Перед мысленным взором Сонни предстал вечно неопрятный, с зеленоватой сигарой во рту, в грязном плаще лейтенант Коломбо.

...Берч, вернувшийся в свой номер, первым делом проверил частоту пульса. Она составила восемьдесят три удара в минуту. Ему же казалось, что утреннее обжорство загнало его пульс за сто. «Не так уж плохо», – успокоился он.

* * *

Новелла был вынужден признать, что Берч был одним из немногих, посвященных в тайну гипноза. Любой может овладеть механизмами гипноза, но только тот, кто обнаружил в себе телепатические способности, сможет развить их и внушение передавать из мозга в мозг. Какую бы природную силу воли ни имел человек, он всегда рискует подчиниться воле другого человека, даже менее сильного духом, но обладающего личным влиянием, внушением и самовнушением. Корабельный психолог, которого и Новелла в том числе в шутку называл «регентом», на вопрос, каждый ли может стать гипнотизером, ответил: «Каждый». И добавил: «Желаю вам успехов». И это была небрежно завуалированная отповедь. Он не был гипнотизером, потому что временами был неискренен, курил и прикладывался к бутылке. Правда, Филипп Берч не являлся убежденным трезвенником, не гнушался чашкой кофе и прочим, что возбуждало нервную систему.

Как-то раз Сонни подумал о том, что Филипп всегда заработает себе на кусок хлеба: Берч в полной мере обладал холодным гаданием, или, как его еще называют, «уличным гипнозом». Этой схемой пользуются мошенники, в частности цыгане. Он даже представил Берча на улице:

засучив рукава, тот формирует в мозгу жертвы устойчивый очаг повышенного возбуждения по органам чувств. Вот его жертва замерла, сковалась, распахнула остекленевшие глаза, перестала соображать и трезво контролировать свое поведение. Он подстраивался и присоединялся к настроению, заботам и мыслям жертвы, копировал его дыхание, позу, движения, артикуляцию, мимику, скорость речи, наконец – силы эмоционального возбуждения. Так цыганка просит у потенциальной жертвы руку погадать, и это самый быстрый путь к достижению управления человеком.

* * *

Берч неотрывно смотрел в глаза Скобликова, впавшего в гипнотическое состояние; впрочем, такой пристальный, требовательный взгляд, по глубокому убеждению Новеллы, был нужен как мухе кеды. К чему сверлить взглядом человека, который уже в трансе и твоих вспученных глаз не видит? В этой связи Новелле припомнился часто повторяющийся эпизод из английского телесериала: «Смотри мне в глаза, только в глаза! Не смотри по сторонам!» Скрывая смешок, он невольно хрюкнул и, дабы не попасть в немилость к Берчу, быстро вышел из комнаты.

Филипп Берч остался один на один с реципиентом; он почему-то был уверен, что Новелла уйдет по этическим, профессиональным, любым другим соображениям, поэтому не попросил его сразу.

Психолог обмяк и больше минуты провел с закрытыми глазами. Тот напряженный взгляд, который утомил его и насмешил Новеллу, был «сторожком»: реципиент не видел его глаз, но чувствовал сам взгляд, искровыми разрядами проникший в его мозг, навесивший очередной запрет на выход из транса.

– Ты слышишь меня? – спросил Берч после того, как получил ответы на ряд стандартных вопросов. Вообще же он сеанс начал с того, что усадил Виктора на стул и потряхивал его кистями до тех пор, пока они не расслабились; затем отпустил одну кисть, и она упала мимо колен – это означало, что пациент лишен силы сопротивляться. Поднеся ладонь к его виску, он спросил: «Что ты чувствуешь?» – и получил ответ: «Тепло. И... я теряю равновесие». Он убрал руку, и беспокойство в глазах Виктора исчезло.

– Да, я слышу вас, – ответил Виктор голосом, показавшимся гипнотизеру чересчур слабым и вялым.

– Тебе некомфортно? Что-то тебя беспокоит, может быть?

– Нет. Разве что болят глаза. Глазницы, – поправился Виктор. – Как будто у меня температура.

«Это я переборщил», – был вынужден признать Берч. Но сказал то, что и должен был сказать:

– Так и должно быть. Но я попробую немного помочь.

Он провел рукой перед лицом пациента, мягко сжимая и разжимая пальцы, снимая боль и неприятные ощущения у Виктора.

– Так лучше?

– Да, намного лучше.

– Отлично! Теперь ничто нам не мешает вспомнить одну вещь. Вспомни, пожалуйста, человека, чья настойчивость, чей взгляд были похожи на мои.

Пауза.

– Нет, я не помню такого человека.

Берч выбрал неверный путь, неверно сформулировал вопрос, заложив в программу поиска Виктора прежде всего образ чернокожего человека. Он конкретизировал, чем заставил Виктора сдвинуть брови и надолго замолчать. Он представил его мозг как индекс, а значит,

индексация – это обход содержимого и как итог – поисковая выдача. Мозг Виктора был «индексирован» лично Берчем, причем давно, на этапе восстановления памяти Виктора, а добавление сейчас специальной формы («гипнотизер – профессия; четыре года тому назад – время») указало его «поисковой машине», что и в какой области искать.

Виктор нахмурился еще больше, хотя это казалось невозможным, отчего брови его образовали глубокую, как пропасть, складку.

– Их было двое...

– Двое?.. Отлично! Оставайся вместе с ними.

Это было жуткое зрелище. Жуткие впечатления и жуткие связи между представлениями, которые рождали другие образы и явления. Их Филипп Берч почерпнул, когда делал первые шаги в гипнозе. И следующее сравнение было помечено копирайтом. Человек спит и видит во сне свою покойную мать. Они в одной комнате, сидят друг против друга. Сын должен проснуться, она – никогда. Если он проснется до того, как покинет комнату, – это хорошо. Если он останется с покойницей – это плохая примета, быть беде, быть новому покойнику. Для Виктора сейчас те двое гипнотизеров – два покойника. Он бежит от них, чтобы «проснуться в другой комнате», но вот голос Берча пригвоздил его к месту: «Оставайся с ними». Он не в силах перечить. Он полностью подчинен ему. Он его раб? Нет. Нет еще. Что-то еще мешало этому. Какой-то скрытой блочок.

Виктора затрясло. Веки его начали подергиваться. Берчу такое состояние было хорошо известно, и он успокоил пациента одной только фразой:

– Не бойся, я с тобой. Дай мне твою руку.

Рука Виктора была холодной. Как будто он действительно находился в окружении призраков и только что пар не вырывался у него изо рта.

Берч стал у него за спиной, взял за плечи, помассировал их, повторяя: «Расслабься, доверься мне, расслабься...»

В таком положении он видел видеокамеру в углу комнаты; красный огонек сигнализировал о том, что она находится в режиме съемки. Берч был против установки аппаратуры и съемки во время сеанса, но переспорить упорного в этих «протокольных» вопросах Новеллу теперь было невозможно. Берча могла утешить только одна мысль, что Новелла не мог наблюдать за ним в прямом эфире: запись велась на диск, а сама камера не была соединена с просмотрной аппаратурой.

– Опиши помещение, в котором ты находишься, – попросил Берч, возвращаясь на место. Он не спешил спрашивать о людях, интересующих его как профессионала. Всему свое время.

– Я в комнате для свиданий.

«Комната для свиданий», – повторил про себя Берч и мысленно представил себе мрачные тюремные стены.

– Она находится в исправительном учреждении?

– В «Инкубаторе».

– Хорошо. Продолжай. Нет ли еще кого-нибудь в комнате?

– Нет. Хотя... да. Я вижу Михея и Дикарку. Они на кровати. Не шевелятся. Они спят.

– А ты? Что делаешь ты?

– Я лежу на кушетке. Эти двое смотрят на меня.

– Комната большая?

– Довольно большая.

Михей и Дикарка спят. Берч резонно предположил, что гипнозу предшествовала распространенная процедура со снотворным. То есть суггестор использовал как индуктор химические вещества, к которым относились снотворные, наркотические, психотропные. Естественно, в случае, когда реципиенты находятся в состоянии сна, к ним не надо применять так называемые «ритмические изменения пространственных отношений предметов», то есть маятник.

Курсантов трое. Значит ли это, что в «довольно большой комнате» только они подверглись процедуре гипноза и вошли в некую элитную группу, о которой беседовали Берч и Сонни? Или же имел место массовый гипноз? Думая так, Берч представлял себе оригинальный конвейер – собственно, сеанс одновременной игры в шахматы. Он подумал о том, что массовые гипнозы проводить легче, чем индивидуальные. Почему? Ответ прост: человека легче ввести в транс, если он видит, что кто-то уже поддался этому состоянию.

Все так. Только массовый гипноз вряд ли был применен именно в «Инкубаторе». Размышляя так, Филипп Берч оперировал словом «эксперимент». «Инкубатор» был экспериментом. Гипноз его подопытных – тоже эксперимент, тоже опыт, а это – перебор. И если его применили ко всем курсантам, то это уже *программа*.

– Ты слышишь, что говорят тебе эти люди?

– Да.

– Повтори.

– «Проект «Организованный резерв» закрывается. Несмотря на это, тебя могут нанять политические конкуренты создателей проекта. Ты должен беспрекословно выполнять приказы твоих работодателей».

Перед Берчем встала дилемма. Забегая вперед, он как бы отмахнулся от самого факта кодовой фразы, – конечно же, Виктор узнает ее. Размышления Филиппа были не в его пользу, поскольку на чаше весов лежал профессионализм русских последователей Джеймса Брэда. Если отменить их установку и применить свою, аналогичную, то это будет называться перепрограммированием. А это не всегда правильно. Берч склонялся к «чистой» установке. Но опасался одного: что-то могло ускользнуть от его внимания. Это походило на инородное тело в сложном механизме; последний просто мог сломаться в самый ответственный момент.

Он остановил Виктора, попутно решая еще одну проблему: если тот повторит кодовую фразу вслед за русским суггестором, не запустится ли «механизм подчинения» в этот самый момент? То есть в состоянии гипноза. Тогда как это необходимо сделать в состоянии бодрствования? Он мог узнать фразу, попросив Скобликова написать ее на листе бумаги, не произнося ее. Но что, если, повторенная дважды, она отменит установку? Нет, это уже слишком. Берч перегрузил себя сомнениями.

С другой стороны, нет разницы, когда запускать процесс «активизации», сейчас или через неделю. Не через год же. Среди специалистов существует мнение, что жизнеспособность установки не превышает одного года. Берч был не согласен с этим. Существовали прецеденты (и он знал о них), когда кодовая фраза работала по прошествии *шести* лет. Ведь хранится она в памяти, этаким морозильнике, где, если не выдернуть вилку из розетки, продукты лежат сколь угодно долго. Впрочем, это было неудачное сравнение, и Берч вернулся к простому. Память. Она хранит даже такие вещи, которые человек хотел бы забыть и дорого дал бы за это. Но память истязает его до гробовой доски. Все это, если вдуматься, называется карой.

«Что делаешь ты и что делают они?»

«Я лежу на кушетке. Мои глаза открыты. Я еще не проснулся по команде. Старший склоняется надо мной. Говорит, чтобы я закрыл глаза. Я закрываю. Я не вижу его. Я слышу того, что помладше: «Если бы он мог видеть то, что я слышу...» Старший перебивает его: «Глупая шутка. Бессмыслица. Ну что же...» Мне слышно, как он потирает руки. «Ну что же, покопаясь в выносных мозгах ГРУ. Слушай меня внимательно. Ты помнишь, как тебя зовут?» – «Да»...

Берч решил вмешаться.

– Ты по-прежнему слышишь меня?

– Да.

Он вложил в руку Виктора гелевую авторучку и открыл книгу (это был роман Дика Френсиса «Движущая сила», который Берч начал читать) на третьей странице.

– Напиши кодовую фразу. Гипнотизер уже сказал ее тебе?

Скоблик походил на «образованного лунатика». С закрытыми глазами он чуть подался вперед и написал: «Если ты такой умный, то почему ты мертвый?»

Берч прочитал рукописный текст, в задумчивости потер подбородок. Ему эта фраза показалась эпиграфом к роману Френсиса, который начинался абзацем:

«Несмотря на то, что я всегда говорил своим водителям, чтобы они никогда, ни при каких обстоятельствах не подсаживали людей, голосующих на дороге, в один прекрасный день они, разумеется, подобрали одного и к тому времени, когда они добрались до моего дома, он был мертв».

Длинное предложение («Неудивительно, – подумал Берч, – что заканчивалось оно смертью человека»), как и сама кодовая фраза. Непостижимо, но русское слово «мертв», начертанное Виктором, оказалось поверх английского печатного: «dead», также означающего смерть.

Стоило произнести кодовую фразу, и в отношении Виктора можно будет сказать уже по-английски: *get what your want*. Иными словами, «твое желание сбылось». Устная директива – ничто по сравнению с директивой на *безусловном* уровне.

Но пора выводить реципиента из гипноза. Прежде чем сделать это, Берч обернулся и снова посмотрел в объектив цифровой видеокамеры.

– Когда я досчитаю до одного, ты проснешься, – как всегда глубоким, оттого кажущимся мягким голосом дал установку Филипп Берч. – Ты забудешь все, о чем мы с тобой говорили.

Конечно, Виктор забудет и экскурс в прошлое, потому что эта индивидуальная поездка в мир, где дороги не нужны, – неотъемлемая часть всего разговора. Его память, в которую Берч снова приоткрыл окно, останется нетронутой. На своих скрытых местах останутся те двое суггесторов и двое его товарищей. Они – видеофайлы; такое сравнение сделал Берч. А у него есть инструменты и есть возможность проиграть любой из них с любого места, даже наоборот. Филипп улыбнулся и, не меняя выражения лица, начал обратный отсчет:

– Пять, четыре, три, два. Один. – Он щелкнул пальцами, акцентируя цифру.

Тут же, как будто от испуга, глаза Скобликова распахнулись. Несколько секунд он глядел на Берча так, словно цвет лица гипнотизера резал ему глаза. Как будто он, насмотревшись белых в своем сне, на черного и наяву смотрел с трудом. Наконец улыбнулся, буквально повторив улыбку Берча: кончики губ приподнялись, глаза попали в сеть непритворных морщин.

– Неплохо, да? – осведомился Берч таким тоном и с таким видом, будто налил подышающему с похмелья водки.

Скоблик кивнул, не понимая вопроса.

Обычно Берч после сеанса гипноза оставлял пациента одного в комнате на пару минут. Так случилось и в этот раз.

В коридоре он столкнулся с Сонни Новеллой. Тот стоял, засунув руки в карманы брюк.

– Ну как все прошло, док? – будничным тоном поинтересовался Новелла. – Достигли желаемого?

Берч знал, что в душе Новелла склоняется к традициям, к которым можно было отнести вербовку, мотивацию, обработку и так далее. Но только в душе, и называлось это каплей здоровой сомнений. Он сомневался, и это приветствовалось на любом уровне; конечно, в открытую ему никто не рукоплескал. Другими словами, в организациях, подобных конторе Новеллы, на дух не переносили самонадеянности.

– Наш агент на крючке. И нам следует ответить на ряд вопросов. Кто эти люди, которые знают кодовую фразу, превращающую пусть и незаурядного бойца спецназа в исполнительную машину? Кто перестраховался, отметив в приказе политических конкурентов создателей проекта? Не те ли лица, которые переметнулись из одного лагеря в другой? Вам нужно убрать конкурента, а для этого требуется повернуть ключик. Все услуги оплачены; и это к вопросу о политических конкурентах или искусственно созданной конкуренции, о людях, которые, поме-

няв один лагерь на другой, левую партию на правую или наоборот, не утратили ни оружия, ни рычагов управления. Продолжим, – словно встрепенулся Берч. – Вам нужно убрать человека, и если вы человек честолобивый, вы могли на протяжении месяцев и лет следить за другим человеком, который в будущем убьет по вашему приказу. Знаете, в Канаде есть такая практика: если вы охотник и страстно желаете убить кабана, то вам предлагают следующую услугу. Вы год или два – это зависит от размера и возраста вашей жертвы, от ваших вкусов и пожеланий, одним словом, – так вот, вы содержите животное: платите за его еду, уборку, медицину и так далее, вы находитесь с ним в полном контакте, чтобы он не загнулся до решающего выстрела, вы чешете его за ухом, вы даете ему имя. Потом по вашему требованию животное выпускают, и вы, прицелившись ему в сердце, спускаете курок. В нашем случае речь идет не о жертве, а об убийце. Некто содержит убийцу, кормит его, заботится о его здоровье, холит и лелеет, называет его по имени и в один прекрасный момент приказывает ему убить. Наверняка, если вы не откроете секрет содержания киллера третьим лицам.

– Не вторым?

– Вторые – это собственно исполнители, – поправил собеседника Берч. – Специалисты по гипнозу. К ним можно причислить директора спецшколы. Но думаю, последний не знает кодовой фразы. В отличие от пароля, сменить ее нельзя.

Филипп Берч продолжил, когда он и Сонни Новелла устроились в некоем подобии гостиной в конце коридора пансионата. Берч занял уголок, усевшись посередине и раскинув руки на мягкой спинке. Этим «широким» жестом он дал понять Сонни, что все места здесь заняты. Тот сел в кресло напротив. Напустив в голос пессимизма, он выгнул бровь:

– Ну, результата мы еще не получили.

Берч был готов к такому повороту.

– Когда вы хотите получить результат? – И добавил многозначительное: – А? – Он продолжил, убрав руки со спинки дивана: – Через минуту? Через неделю? Перед самой заброской агента в Россию? Или за час до силового акта? Чтобы, как говорят, клиент не отвертелся?

– Это зависит от степени ответственности каждого из нас.

– Вы не доверяете мне потому, что на мне нет халата, стетоскопа и бахил? – встал в позу Берч. – Или потому что я не таскаю за собой гамма-томограф и не оставляю за собой следы в виде послонных снимков головы нашего подопечного?

– На вас лежит технико-психологическая составляющая. – Новелла скорее продолжил свою мысль, нежели ответил Берчу, пропустив его длинную остроту мимо ушей.

– Технико-психологическая? – переспросил тот.

– Ага. И я жду вашего совета. – Новелла также сменил положение на кресле, высоко закинув ногу за ногу. – Итак, мы заполучили ключик. Когда заводить – вот вопрос, – начал он отвечать Берчу. – Накануне операции – опасно. Вдруг что-то пойдет не так? Через неделю? Эти семь дней не принесут мне покоя.

– Зачем вам тогда мой совет? – Берч пожал плечами. – Вы сделали выбор? Или...

– Сделал. Как чувствует себя наш подопечный?

– Дадим ему отдохнуть еще полчаса.

С этими словами Берч вручил собеседнику книгу английского писателя. Новелла открыл ее и увидел неровный, но разборчивый почерк. Ему предстояло озвучить эти слова перед агентом, и он решил потренироваться. Он произнес эту фразу раз, другой, третий. В перерыве между натуральными родовыми потугами расспрашивал Берча:

– Он писал под давлением? Не вы диктовали ему эту бредятину? Он ржал вам в спину?

Было заметно, что Новелла нервничает.

– Пойдемте. – Он первым двинулся по коридору. Стукнув в дверь, сразу вошел. Он был настроен решительно. Ожидал ли положительный результат? Тот же Берч, беря в расчет

его наэлектризованность, ответил бы: черт его знает. Но он стремился поставить наконец-то точку. – Послушай-ка меня...

Новелла не рискнул произнести эти слова по памяти. Он прочитал вслух то, что было написано рукой Виктора Скобликова.

– Если ты такой умный, почему ты мертвый?

Память вернула Скоблика в тот день и час, когда директор спецшколы обращался к курсантам с последним словом. Может быть, потому что память избирательна. Он получил приказ не от безымянного гипнотизера, но от командира подразделения, как и полагается. Он услышал приказ: «Однажды за вами придут. Это может случиться скоро. Может быть, ваше ожидание затянется на месяцы и годы. Проект закрыт. Готовьтесь к тому, что вас могут нанять политические конкуренты создателей проекта... Вы должны беспрекословно выполнять приказы ваших работодателей». Слова директора только теперь приобрели реальную силу. А дальше, как показалось Виктору, директор спецшколы указал пальцем на его хозяина...

...Виктор слышал голос, но не мог сообразить, кому он принадлежит. Слова прозвучали пояснением и в то же время – важной деталью: «Приказ убивает мораль и стимулирует жестокость». Они прозвучали фоном, но глубоко запали в душу, и Виктор при всем желании не смог бы их забыть.

Берч принял реакцию пациента как должное. Он шепнул Новелле:

– Не ждите от него поклона: «Слушаюсь и повинуюсь».

Сонни мелко покивал.

В сознании Скобликова произошли глубокие изменения, и Сонни видел это. Если вот сейчас приказать ему отжиматься и прыгать – он выполнит приказ. Но он подчинился бы и полчаса, и день, и полгода тому назад: отжимался бы и прыгал. Переломным моментом можно было назвать «поддирективу», озвученную психиатром: «Приказ убивает мораль и стимулирует жестокость». С таким подходом, как у спецов по гипнозу (к русским суггесторам Сонни прибавил и Берча), нормального человека можно превратить в монстра, жестокого убийцу, и список этот безграничен.

Слова о морали и жестокости Берч произнес неоправданно громко, что, по мнению Новеллы, могло помешать делу или, по крайней мере, конкретному процессу. Так или иначе, Скобликов услышал высказывание Берча.

Взгляд Новеллы столкнулся с «обновленным» взглядом Виктора. Такой взгляд мог быть у ребенка наутро после того, как он подсмотрел, чем занимаются его родители в спальне.

– ...А родителям приходится гадать, понял он или не понял, все понял или частично, в лоб-то у него не спросишь.

Новелла поделился своими соображениями с Берчем. Тот согласился с ним: он тоже не мог дать точную оценку схожим ощущениям. Они сошлись во мнении, что происходящее на их глазах походило на мистику.

Они снова уединились, на этот раз в номере Филиппа Берча. Берч снова угостил гостя «фирменным» виски, Новелла посетовал, что не может подать жареную свинину. Они были немного взвинчены, но настроение у обоих – превосходное. Захмелевший Новелла отвесил Берчу комплимент:

– Вот уже во второй раз меня угощает лауреат Нобелевской премии.

Берч сунул два пальца в рот, изображая рвоту. На что намекал? На свинину с картошкой?

Поначалу они говорили ни о чем. О музыкальных пристрастиях. Новелла сказал, что ему нравится группа «Ю Ту», Берч ответил вопросом: «Вам нравится эта универсальная ирландская затычка?» – «И в чем же ее универсальность?» – «Она подходит ко всем бочкам». Они рассмеялись. Правда, Новелла все же объяснил, чем вызваны его симпатии к этой дублинской рок-группе – особенностями звучания гитары, эхом, тональными задержками, ирландским веянием. А дальше выразился весьма туманно: «Все это дает ясный эмбиент и атмо-

сферный звук. Что касается фальцета солиста – это дело вкуса». Берч не стал объяснять свою позицию, она была проще простого. Как американец, Берч не любил выскочек, тех, на ком свет клином сошелся, если это – не американец, в данном конкретном случае – «какой-то ирландец». Они поговорили и о литературе. Берч заявил, что его любимый писатель – Дик Френсис. Новелла ответил: «Кто бы сомневался». Они легко перебранивались, что доставляло обоим удовольствие. Они по-настоящему сблизились в этот вечер. И только раз перед мысленным взором Сонни Новеллы возник черный призрак, отражение в зеркале голого Филиппа. Возникло и сгнуло в пучине его памяти.

– Что, на твой взгляд, чувствует сейчас Виктор? – спросил Новелла, плавно переходя на «ты».

– Образно говоря, ему была введена сыворотка против инфекционной болезни – гриппа, например. Ее действие на организм протекает незаметно, в фоновом режиме, как любит выражаться наш президент.

«Ваш», – белозубо улыбнулся Новелла.

– Но я обязательно проведу тесты, – пообещал Берч, – и выясню подробности перестройки его психики.

«Это он здорово сказал», – подметил Новелла. Он понятия не имел о характере тестов, но реально представил Берча с его вопросом к подопечному: «Ну как твоя психика, сынок?»

Уже поздно вечером Новелла у себя в номере скопировал содержимое диска, на котором находилось несколько видеофайлов, на маленькую кассету формата VHSC. Устроившись в кресле, он еще раз просмотрел «работу Филиппа Берча». На эту мини-кассету уместился целиком сеанс гипноза со всеми вытекающими из него последствиями.

Картинка была статичной. Новелле же казалось, камера работала хорошо; невидимый оператор брал крупным планом то бледноватое лицо русского, то цветной затылок афроамериканца.

Позже он сел составлять протокол и в начале его отметил, что к данному документу прилагается видеозапись такой-то продолжительности. Он сравнил это с электронным письмом и вложенным в него файлом.

Этот день оказался длинным. Реальность переплеталась с мистикой, как сновиденье перекликается с явью, и к этому нечего было прибавить.

Сидя в кресле, Сонни заложил руки за голову, вытянул ноги и закрыл глаза. Как долго он так сидел, сказать сложно. Он проснулся далеко за полночь: лежа на диване, поджав ноги, подложив кулак под щеку.

Он так и не стал раздеваться. Укрывшись пледом, опять быстро уснул.

Впереди новый день, новый этап в развитии операции, масса неизвестного в *хаосе запланированного*.

* * *

Наутро Новелла вспомнил, о чем говорил ему вчера за завтраком Филипп Берч. Позывной «Скоблик» пусть и не резал слух, но просто не подходил ему – наверное, потому, что этот парень возмужал, приобрел те качества, которые хотели бы видеть в нем организаторы проекта. Берч вспомнил, как однажды Виктор назвал ему его первое прозвище. Оно было странным; почему не прижилось – вопрос. Когда он бичевал (это его определение, которое отдавало взрослой безысходностью) на одном из московских вокзалов, его прозвали Самбади. На английском – Кто-то. А в сочетании со словом else – «кто-нибудь другой».

Somebody else. Другой. Эта кличка полностью подходила и оправдывала надежды, возложенные на этого парня...

Сони встретился с Виктором за завтраком и задал вопрос в лоб. Тот объяснил причину, по которой на короткое время он стал Самбади. Ему нравилась песня Михаила Башакова, которая так и называлась – «Самбади». Он часто напевал ее, особо не вникая в смысл текста.

– А сейчас сможешь напеть?

– Напеть не смогу. Мне будет неловко.

– О чем эта песня?

– Об одном человеке. «Это было так давно, где-то в Ленинграде. Пел парнишка молодой по имени Самбади. О большой простой любви пелось в той балладе. Я скорей писать слова у себя в тетради».

– Хорошо, дальше, – улыбнулся Сонни.

– «Может, пел нестройно он, но и что же дальше? Только чувствовали все – в песне нету фальши». Потом припев, а дальше такие слова. – Незаметно для себя Виктор напел: «Время мчалось и плелось еле-еле сзади. Я искал его везде, где же ты, Самбади?.. Много звезд теперь горит на большой эстраде. Вдруг знакомые черты. Я узнал Самбади! Отражение мое на зеркальной глади. Перстень, смокинг и очки – вот и весь Самбади! Как ужасна песнь твоя... Как пошла твоя любовь...»

Сонни некоторое время молчал.

– Как ты думаешь, о чем эта песня?

– А вы как думаете? – неожиданно спросил Виктор.

– Эта песня полна поворотов, изменений. Когда простой человек с открытой душой вдруг становится важным и смотрит на окружающих свысока. Песня о высокомерии.

– Я поначалу тоже так думал.

– Выходит, ты другого мнения?

– Конечно. Эта песня о зависти одного человека к другому. Она мне разонравилась, когда я понял ее смысл.

«Вот так».

Если сказать, что Сонни был обескуражен, значит ничего не сказать.

Ровно через час они встретились снова. На этот раз по инициативе Виктора.

– У меня к вам просьба, Сонни. – Так он начал разговор. Обращался к Новелле, как к равному, как не раз предлагал ему сам Новелла. И последнему это понравилось.

Скоблик научился быстро переходить от одного состояния души к другому. Минуту назад он, предаваясь воспоминаниям, как сказочный Кай, собирая узор из осколков остывшей памяти, по-настоящему грустил, а сейчас, когда это занятие ему надоело, просто жил настоящим и немного будущим. Он был расчетливо холоден, думая о задании. Отчасти это была игра, в которой он прогонял в голове предстоящие действия. Он прекрасно понимал, что в действительности все будет гораздо проще. Но его учили перегружать себя до операции, чтобы раскрепоститься во время ее выполнения.

– Посмотрю, что смогу сделать для тебя, – ответил Сонни.

Он предложил Виктору присесть, поставил перед ним высокий стакан и наполнил его соком. Он никогда не предлагал ему ничего крепче. Они могли разговаривать на равных, но выпивка с этим парнем подпортила бы их отношения, был уверен Новелла.

Он обратил внимание на обувь Виктора. Тот предпочитал кроссовки, но сегодня на нем были кеды – стильные, подметил Сонни, и новые. Виктор нередко ездил в город. В его распоряжении был двухместный «Порше», не новый уже, но смотрелся он стильно. Особенно когда за рулем находился этот молодой человек. Фактически он и эта машина родились в один день.

– Итак, слушаю тебя, – Новелла устроился в кресле так, что свет из окна падал ему на спину, а собеседнику – в лицо.

– Помню, вы обмолвились о том, что владеете приемами айкидо.

В первую очередь Новелла отметил «новое» слово, будто только что появившееся в лексиконе Виктора: обмолвиться. Да, вскользь он поднимал эту тему, которая касалась Михаила Наймушина, и мог дословно воспроизвести свои слова: «Наймушин маракует в айкидо? Вот как?» И сам он в то время употребил слово, которое для него вообще-то было чуждым. Дело в том, что Новелла, имея первый дан в айкидо, на познания Михея в этой области посмотрел свысока. Он получил свою почетную степень в Нью-Йорке, отработав в свободном стиле рандори против четырех противников и в том же стиле – против противника, вооруженного ножом. И случилось это за месяц или полтора до другого события, которое также значительно повлияло на его судьбу: призыва в армию.

– Да, я вспоминаю тот разговор, – подтвердил Новелла.

Скобников продолжил:

– Что, на ваш взгляд, главное в айкидо?

О, Виктор затронул обширную и до некоторой степени неожиданную для Новеллы тему. Поэтому он ограничился следующим:

– Среди бесчисленных моментов я бы выделил ложный процесс защиты. Почему? Потому что... – Он рассмеялся. Не он сам, но один из учеников группы, в которую входил Сонни, много лет тому назад задал схожий вопрос. Сейчас Сонни просто-напросто озвучил учителя. Он продолжил: – Звучит сложно, но я попытаюсь объяснить. Ложный процесс защиты – это ложное восприятие, неверное решение, неполная реакция. Какими способами это может выразиться? – Новелла пожал плечами, как его учитель когда-то. – Если ты обеспокоен, то твое восприятие будет ошибочным и ты не сможешь увидеть атаку вовремя, а когда увидишь, то будет слишком поздно. Ты не сможешь увидеть противника до тех пор, пока он не возникнет перед тобой, и ты не сможешь использовать периферийное чувствование. Попробуй ответить на вопрос, что такое периферийное чувствование.

Теперь стало заметно, что Сонни Новелла завелся, оседлав любимого конька. Сейчас он олицетворял человека, про которого можно было сказать: он мыслит, когда говорит.

Виктор довольно легко ответил, когда Сонни конкретизировал: «Для чего оно служит?» В понимании Виктора, периферийность – это круговой обзор, и он не ошибся.

– Наверное, оно предупреждает об опасности.

– Правильно. Более расширенно это звучит так: сигнал об опасности и предстоящей атаке прежде, чем она начнется. Отлично!

Дальше он перешел на «внутренние факторы» защиты в айкидо; он «зажигал», переходя на личность.

– Они, Виктор, будут определяться ролью твоего сознания в поединке. Это и духовный настрой, и внутренние силы, которые призваны контролировать защитную стратегию айкидо. И другая энергия, необходимая для защиты. Это и принципы, которые управляют защитой от начала и до конца. Что касается внешних факторов защиты...

У Новеллы отсутствовали педагогические задатки. Он не привнес в эту беседу (и это больше касалось его) ничего, кроме того, что сам усвоил когда-то. По большому счету, он цитировал своего наставника, не утруждая себя перевести его на более доступный язык.

– Внутренние факторы защиты считаются в айкидо первостепенными. Как сказал мастер Коити Тохеи: «Как и в других боевых искусствах, физические принципы легко могут быть изучены за короткий интервал времени». Но для того чтобы развить в себе острую силу восприятия, спокойствие и неустранимость, необходимо строго следовать длительной программе развития духа. Оно необходимо в той же мере, что и тренировка тела. Главное – внутренняя работа. Без нее все остальное – иллюзия. Айкидо отличается от других боевых искусств еще и тем, что с первого шага, который ученик делает на татами, его дух играет основную роль.

Сонни остановился. Он что-то чересчур разошелся. Он мог предугадать, чем закончится его «пламенная» речь. Он мог говорить на эту тему бесконечно, возрождая в памяти «абра-

кадабру» 5-го, 3-го, 1-го кю: йокомен учи никке и санке, сувари вадза... Он не удержался от вздоха разочарования, когда Виктор в лоб сказал:

– Излюбленный удар Михея – круговой удар рукой в голову слева. У него целый арсенал приемов, но этот любимый, – настойчиво повторил он. – Я выведу его на этот круговой удар. И я хочу ответить ему приемом айкидо, его же оружием. Я хочу, чтобы он не только съел, но и подавился.

И лишь после довольно продолжительного молчания Сонни дал согласие. Заодно тихо порадовался тому, что ему не придется вести ускоренный курс по ускоренному же вдалбливанию духа, этикета, теории атаки, агрессивной концентрации энергии... Честно признаться, он не смог бы. Не потянул бы даже четверти курса. Но показать «кусочек айкидо», научить одному-единственному приему, забывая о принципах этики и функциональности, истории и культуры борьбы, – это почти что легко. И еще один фактор в пользу этого: никакой формы (Сонни имел в виду хакаму, штаны и куртку с поясом), а значит, никаких традиций, включая приветствие. «Никакого дерьма», – подвел итог Новелла.

Внутренний двор пансионата как раз подходил для занятий; не додзе, конечно, с его местом под офис, досками со списком членов клуба и объявлений, с раздевалкой, и главное – с татами, где преподается айкидо и происходят тренировки. Во двор выходили два окна из кухни, и минимум от пары любопытных глаз не избавиться. Но некая публичность даже пойдет на пользу, решил Новелла, и в первую очередь – ученику.

Научить его приему айкидо было несложно, поскольку база у Скобликова имелась. Насколько был осведомлен Новелла, за основу рукопашного боя в «Инкубаторе» был выбран стиль кекусинкай. Это более прямолинейный и силовой, контактный стиль карате, созданный Масутацу Оямой в противовес сонму бесконтактных школ; по сути дела мастер продемонстрировал настоящую мощь карате. Слово «кекусинкай» состоит из трех иероглифов, означающих абсолютный предел, истину и союз. Даже в силовых подразделениях ФБР этот стиль был взят за основу, а клятвой стали слова: «Мы будем стремиться к мудрости и силе, не ведая других желаний».

Сонни выпустил рубашку из брюк – так ему было удобнее – и прищурил глаза, изображая японца. Виктор на его игривое настроение не откликнулся. «Ну и черт с тобой», – подумал Сонни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.